

## ТРИ ОТКРЫТИЯ МИЛОСЛАВА БАЛАБАНА

*Александр Гольдин,  
учитель Специализированного учебно-научного центра Уральского  
федерального университета (Екатеринбург), в 1993–2003 годах —  
руководитель экспериментальной площадки «Школа-парк»*

В начале лета 1992 года, будучи в командировке в Москве, я по каким-то своим делам забрел в Институт проблем передачи информации РАН... неожиданно разговорились о педагогике, о коммунарской методике, о Макаренко. «А вы знаете, — вдруг сказала мне одна из моих собеседниц, Ирина Ивановна Стенина, — я как-то слышала о Милославе Балабане, у него есть интересные работы, и он вроде бы тоже ратует за разновозрастные детские коллективы». И Ирина Ивановна дала мне телефон.

Так я заочно познакомился с Милославом Александровичем и был просто ошеломлен смелостью его работ. Да, разновозрастные коллективы; да, отказ от традиционно понимаемых учебных программ... но это была только верхушка айсберга. Подлинный смысл великих открытий М.А. Балабана я осознавал постепенно и мучительно — классно-урочный менталитет, хоть и по капле, но выдавливался очень тяжело.

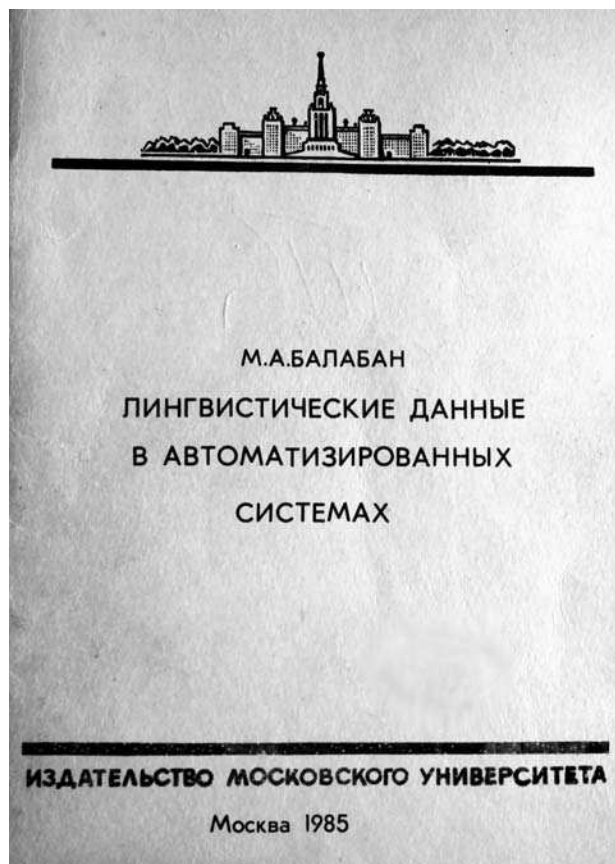
Первая личная встреча состоялась у нас 30 сентября 1998 года; говорили мы семь часов подряд. Орехово-Зуево, скромная квартира, чай в маленькой кухоньке... но при этом абсолютное, какое-то мистическое ощущение диалога с гением. До сих

пор, вспоминая эту встречу, я почему-то думаю о Циолковском. Тот же масштаб личности, столь же смелые идеи, небольшой городок недалеко от Москвы. Будут ли идеи Балабана воплощены в жизнь так же успешно, как идеи Циолковского? Я верю, что да.



Александр Гольдин

В последние годы своей жизни Милослав Александрович работал в Московском университете, занимался проблемами логогенетики, искусственного интеллекта, моделями естественных языков. На той первой встрече он подарил мне свою брошюру «Лингвистические данные в автоматизированных системах». Смысл грустного взгляда, которым при этом Милослав Александрович на меня посмотрел, я понял несколько позже, когда стал эту брошюру читать. Сказать, что читать ее было трудно — значит ничего не сказать. Плотность мысли на единицу текста была такой, что читать приходилось буквально по предложению, по фразе, по слову. Пожалуй, фундамент идеологии школы-парка, ее, если угодно, парадигма — в этой работе 1985 года.



Так я открыл для себя Милослава Балабана. А о том, что же открыл сам Милослав Александрович — речь далее.

### О вреде консервов

Парадокс: очень многие знают о «Великой дидактике» Яна Коменского, но мало кто внимательно и вдумчиво изучил ее. И лишь совсем немногие прочитали его же «Pansophiae prodromus» (1639). А ведь ключ к разгадке удивительной живучести классно-урочной системы и ее полной неприемлемости в нашу постиндустриальную эпоху — вовсе не в придуманных Коменским одновозрастных классах и даже не в делении «изучаемого материала» по школьным предметам и отдельным урокам. Классы, уроки, предметы — форма; если угодно, технология. Милослав Александрович открыл принципиальное иное: идея о классах и уроках рождена главным — представлением Коменского о содержании образования.

Именно Коменский был тем человеком, кто на основе философских идей Платона об объективном знании построил целое учение о *пансофии* — универсальном знании, которое может быть кодифицировано в текстах и затем — внимание! — в виде этих текстов «передано» ученикам: необходимо, писал он в своей «Пампедии», создать «полный набор книг, предназначенных для универсального образования и составленных по законам универсального метода», после чего «работа учителей и учеников в школе будет просто передачей света из этих сияющих книг в просветленные головы». Можно сказать, что Коменский был первым, кто изобрел консервы. Из знаний.

Такую «передачу в просветленные головы» нужно было как-то организовать, и Ян Коменский придумал классы и уроки. Но не они главное зло, порожденное идеей пансофии и классно-урочной системой; гениальное открытие Милослава Александровича состоит в исследовании и описании им механизмов полного перерождения образования и науки под воздействием пансофистских идей Коменского. Науки Нового времени стали кодифицироваться в виде текстов именно для более удобного «скармливания» обучаемым; живое познание природы и общества стало постепенно вытесняться созданием искусственных замкнутых грамматик. Невинная, на первый взгляд, идея кодифицированного «универсального знания» привела к поистине ужасающим социальным последствиям.

Конечно, идея пансофии и рожденная на ее основе классно-урочная система для «передачи света знаний в просветленные головы учеников» (в прежние времена — с помощью розги, а сегодня — с помощью силовых процедур аттестации) не распространилась бы с такой скоростью по миру, если бы не упала на благодатную почву. Начинаясь промышленная революция потребовала большого количества

работников-исполнителей, могущих точно и беспрекословно выполнять лично не значимую для себя работу: эти качества классно-урочная система формировала великолепно. Как позже выразился Карл Маркс, машины делали людей. Кроме того — массовый отток крестьян в города, разрушение прежнего уклада жизни, необходимость как-то пристроить детей (чуть не написал — чтобы не сидели бесцельно в Интернете...), пока их родители на работе. Как вам, например, такая милая цитата из «Великой дидактики»: «Почему же не иметь для юношества школ? Ведь даже свиней и коров крестьяне не пасут каждый в отдельности, а держат для этого наемных пастухов, которые и обслуживают одинаково всех, между тем как сами крестьяне получают возможность заняться, не отвлекаясь, остальными своими делами»...

Совершим теперь прыжок через века и освежим в памяти основные идеи великого советского психолога Л. С. Выготского, лежащие в основе не только советской, но и современной российской дидактики. Помните? Знаковое опосредование культуры; мало того — знак как ее демиург. Идеи Коменского живут и побеждают, как говорится... Конечно, многие психологи (С. Л. Рубинштейн, например) пытались вести дискуссии об идее знакового опосредования, но пансофия победила и на этот раз. Так что еще много лет наших детей, вместо развития их личного, живого знания будут кормить консервами из текстов. И проверять усвоение, безусловно. Путем отрывивания съеденного на оценку.

### **Знание-орудие и знание-орган**

Поняв суть классно-урочной системы, природу и последствия ее возникновения и распространения по миру, М. А. Балабан задумался о более адекватных, неплатоновских моделях знания. И совершил вто-

рое свое открытие: разработал и, главное, экспериментально апробировал (в основном в сфере преподавания иностранного языка) модель знания-органа.

## **НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ...**

По результатам исследования одонго английского университета, не имеет значения, в каком порядке расположены буквы в слове.

Главное, чтобы прева и последняя буква были на месте. Остальные буквы могут следовать в любом беспорядке, все равно текст читается без проблем.

Почему это является тем, что мы не читаем каждую букву по отдельности, а всё слово целиком.

Посмотрите на картинку, читатель. Не правда ли, удивительно? При изучении иностранного (да и родного, в школе) языка мы учим алфавит, из букв и звуков складываем слова, из слов — фразы и предложения, из них — текст. И вот оказывается, что реальное восприятие речи нашей психикой происходит в обратном направлении: изначально слитная речь артикулируется (расчленяется) нами на предложения, слова и звуки, а вовсе не состоит из них. Психический орган, обеспечивающий такое членение, Милослав Александрович назвал *знанием-органом*, в противовес традиционно понимаемому знанию («переданному» извне), которое он назвал *знанием-орудием*. Орудие, писал М. А. Балабан, типа лопаты или очков, можно передать. Орган же, типа руки или глаза, передать нельзя, его можно только развить.

Милослав Александрович создал стройную теорию языка-органа и, главное, верифицировал ее в своей серии блестящих экспериментов (их результаты опубликованы). В первые годы жизни ребенок не изучает родной язык по буквам, фонемам и морфемам; язык, как орган, развивается у него под воздействи-

ем избыточной коммуникативной среды. Иностраный же язык мы пытаемся не развить в ребёнке (просто не умеем? не знаем как?), а сформировать орудийно, из «кирпичиков». Многолетний опыт самого Балабана в ряде вузов, когда его студенты обучались английскому языку совсем по-другому и показывали блестящие результаты, демонстрирует, что модель языка-органа работает, и еще как!

Но Милослав Александрович не был бы настоящим ученым, если бы не пошел дальше, не ограничиваясь только сферой преподавания иностранного языка. Апробированную в практике и показавшую высокую эффективность модель языка-органа он экстраполировал на обучение в целом, создав теорию уже упоминавшегося нами знания-органа. Знание в этой теории — не «усвоенные» консервы из текстов, а развитый под воздействием избыточной информационной и коммуникативной среды психический орган, надстройка над собственным опытом деятельности в этой среде. Именно этот орган и обеспечивает наши познавательные процессы, помогая двигаться в мире культуры по собственной траектории. Конечно, идея знания как надстройки над опытом принадлежит не Милославу Александровичу, но именно он создал стройную теорию знания-органа и блестяще подтвердил ее собственной практикой.

Дочь М.А. Балабана Ольга Милославовна Леонтьева, руководитель проекта «Парк открытых студий» в 1996–2007 годах, назвала обучение, построенное на основе модели знания-органа, *фрактальным* — от слова fraction (дробь, частица). Если в классно-урочной школе целью обучения является «усвоение» содержания, понимаемого как совокупность орудийных знаний, закодированных в текстах, то при фрактальном обучении цель — увеличение дробности, или фрактальности, картины мира каждого обучающегося, а содержание — совокупность

предметностей деятельности, организуемой для достижения этой цели.

Понятно, что если традиционное орудийное знание можно «сформировать» по единым программам, тематическим планам и параграфам единых учебников, то развитие у каждого ребенка его индивидуального знания-органа возможно только одним способом: созданием избыточной информационной и коммуникативной среды и организацией деятельности обучающегося в ней. И мы переходим к главному открытию Милослава Александровича Балабана — изобретению им школы-парка.

### Школа — от греческого «досуг»

Конечно, М.А. Балабан стоял, как говорится, на плечах гигантов. Можно вспомнить и студии Аристотеля, и опыт Льва Толстого (а также его статью «Воспитание и образование»), и Ивана Иллича (с ним Милослав Александрович был знаком лично), и Джона Дьюи, и Александра О'Нилла... И всё же: школа-парк лишь внешне похожа на Саммерхилл-скул или, скажем, на сеть школ Садбери Велли. Главное, что открыл Балабан — принципиально иные цель, содержание образования и технологии (организационные, педагогические, деятельностные), его, это содержание, обеспечивающие. Всё вместе это и называется образовательной системой «Школа-парк», и безусловное её авторство принадлежит Милославу Балабану.

Школа-парк — это совокупность (парк) открытых студий, свободно выбираемых детьми для занятий в них. Это пространство (не только физическое, но и интеллектуальное, коммуникативное), специально организованное для обмена личным, живым знанием между участниками образовательного процесса.

Каждая студия имеет свой профиль, определяемый, с одной стороны, уме-

ниями и возможностями педагога — руководителя студии, а с другой стороны — спросом на рынке образовательных услуг. Наверное, в будущем в парк-школах будут студии театра, издательского дела, робототехники — интегральных видов деятельности, эффективно развивающих в детях знание-орган (вспомним школу Селестена Френе с ее типографией!) Конечно, могут создаваться и «предметные» (в школьном понимании) студии: математики, физики, литературы и т.д., как это и было в реальной московской и екатеринбургской практике в 1993–2007 годах.

Существует расписание работы студий (в какой день и в какой время какие студии открыты), составленное таким образом, что одновременно открыты двери нескольких (минимально 5–6) студий. При этом нет расписания посещения студий учащимися (подобного расписанию уроков в традиционной школе); нет также и обязательных учебных планов, списков обязательных предметов и прочих подобных документов.

Придя в школу-парк, ученик выбирает, в каких студиях он будет работать сегодня (или на этой неделе, или в этом учебном году — планирование личной образовательной траектории может производиться по-разному). Конечно, дети не «бросаются в воду», в школе-парке организуется мощная педагогическая поддержка учеников, их перемещения по студиям отслеживаются и анализируются, образовательная траектория каждого планируется детьми и взрослыми совместно. В этом смысле школа-парк устроена гораздо сложнее и работает гораздо гибче традиционной школы, где простым административным решением дети распределены между классами и уроками.

Перед тем, как перейти к содержанию работы в студиях, поговорим немного о форме и содержании применительно к образованию. Что первично? Казалось бы, понятно: выдвинул Коменский идею пан-

софии — появилась и классно-урочная форма; создал Балабан модель знания-органа — появились разновозрастные студии. Содержание первично, а организационная форма опосредуется им?

Однако не всё так просто. Одно из открытий Милослава Александровича, как мы уже отмечали, состоит в исчерпывающем описании механизма опосредования содержания образования (и развития наук Нового времени) классно-урочной формой, стремительно распространившейся в мире. Точно так же и в школе-парке: открытые студии — это не только и не столько организационная форма; сам принцип открытости (и, как следствие, разновозрастности) влечет серьезнейшие изменения в содержании. И это тоже первым понял М.А. Балабан.

Если в условиях стабильного разновозрастного класса учитель может написать план урока согласно программе, а потом с той или иной степенью успешности этот план реализовать, то в студии «изучать программу» невозможно в принципе. Мало того, что на занятие пришли дети разного возраста и с разным личным знанием (в классно-урочной школе ситуация почти такая же, но там этого как бы не замечают), так еще и каждый конкретный ребенок может завтра «исчезнуть» или, наоборот, появиться в любой момент в течение учебного года. Понятно, что ни о каких «темах» или изучении учебника по параграфам в таких условиях не может быть и речи: в парк-школе используются совсем другие способы студийной работы.

И эти способы тоже были изобретены Милославом Балабаном. Их использование в его личной педагогической практике на занятиях английским языком со студентами привело к блестящим результатам; их развитие в московской и екатеринбургской парк-школах в 1993–2007 годах показало, что школа-парк — не утопия, а реально работающая эффективная образовательная система.

\*\*\*

К сожалению, как часто бывает с идеями гениев, они реализуются в массовой практике спустя десятилетия, а то и столетия после их открытия... Похоже, такая же судьба ждет и школу-парк. Нужна ли государству (обществу? детям? родителям?)

школа-парк с ее воспитанием свободной, образованной и ответственной личности? Оставим ответ на этот вопрос для других публикаций; мне очевидно одно: мой Учитель Милослав Александрович Балабан совершил в педагогике то, что в своих областях науки в свое время совершили Декарт, Ньютон, Менделеев или Циолковский.